

Гарри воспользовался моментом, чтобы насладиться окружающей обстановкой, пока он осторожно прогуливался по периферии Черного озера, следуя по извилистой тропинке, проложенной в ландшафте стопами тысяч студентов Хогвартса за сотни лет. Это было прекрасное раннее июльское утро, и он обнаружил, что испытывает чувство покоя и удовлетворения, которое так долго ускользало от него. Он прекратил ходить взад-вперед, на мгновение закрыв глаза, наслаждаясь ощущением солнечных лучей на своем лице; чувствовал легкий ветерок, который дул среди близлежащих деревьев, шелестя сочными зелеными листьями, томно свисающими с вековых ветвей. Это было прекрасное, славное летнее утро, и мир был в покое.

Если быть честным с самим собой, то это был первый настоящий момент умиротворения, который он испытал за последнее время. После встречи в кабинете Минервы он был довольно взволнован и знал, что у него есть ряд причин для таких чувств. Очевидной причиной была его ликантропия и необходимость смириться с новой реальностью. Он обнаружил, что переоценивает все свое тело, проверяя каждое из своих чувств, чтобы попытаться установить, что именно изменилось. Он потратил некоторое время на перечитывание дневника Ремуса, но обнаружил, что это странно бесполезно в применении к его собственному состоянию. Он задавался вопросом, испытала ли Гермиона такое же разочарование, когда она впервые прочитала это.

Он также обнаружил, что заикливается на масштабе проблемы, с которой столкнулись и он, и Гермиона. Мало того, что они надеялись выследить Грейбека; они также столкнулись с попытками сохранить свое состояние в секрете от широкой публики. У него не было ни малейших сомнений в том, насколько это будет трудно из-за того, насколько знамениты они оба теперь в волшебном мире.

Хотя ему всегда приходилось иметь дело со своей славой, он знал, что Гермионе придется приспособиться к своей знаменитости. Действительно, главная причина, по которой он решил изолировать себя в Хогвартсе, заключалась в том, что он знал о шуме со стороны СМИ, чтобы получить интервью с ним. Он также знал, что несколько человек пытались связаться с ним с целым рядом деловых возможностей и предложений работы, но никто из них, казалось, не понимал, что он просто хотел, чтобы его оставили в покое. Он понятия не имел, что ему делать со своей жизнью теперь, когда Волдеморт наконец ушел. Хогвартс оказался для него убежищем, но последние две недели он все еще чувствовал себя не в своей тарелке.

Если он был честен с самим собой, то знал, что основной причиной его беспокойства было отсутствие его лучшего друга. Он не видел Гермиону две недели, и просто факт заключался в том, что он отчаянно скучал по ней.

Вновь открыв глаза, он продолжил свою медленную прогулку вокруг озера, его мысли вернулись к событиям, последовавшим за встречей в кабинете Минервы. Как только Гермиона очнулась от своего мирного сна в общей комнате, у них была короткая беседа, во время которой подтвердились его подозрения относительно ее разговора с Роном; Гермиона и Рон разорвали свои зарождающиеся отношения. Пытаясь переварить эту информацию, он несколько беспристрастно слушал, пока она говорила, и вместо этого сосредоточил свое внимание на том, чтобы на самом деле смотреть на нее. Реально смотрю на нее.

Внезапно его поразило осознание того, что Гермиона оказалась в конце своей веревки. После последней битвы в Хогвартсе она была измотана как эмоционально, так и физически, и он обнаружил, что глубоко обеспокоен ее здоровьем. После почти 10 месяцев в бегах, большую часть этого времени они были холодными и голодными, ни один из них не был на пике физической формы, но, глядя на своего самого дорогого друга, он осознал, насколько сильно прошлый год повлиял на нее. Помимо шуток Молли Уизли, Гермиона действительно была слишком худой. Щеки у нее были слегка впалые, глаза чрезмерно большие, лицо изможденное. Одежда, которую она носила, свободно висела на ее фигуре, и он вспомнил свой собственный наряд, когда был вынужден носить негабаритные вещи Дадли. Ее обычно густые, живые волосы стали сухими и ломкими. и, возможно, именно это больше всего заставило его понять, что ему нужно сделать. Ему нужно было поставить ее на первое место и, что более важно, ему нужно было заставить Гермиону поставить Гермиону на первое место.

Проведя быстрые подсчеты, он пришел к выводу, что до следующего полнолуния 9 июля оставалось более трех недель. Помня об этом, он просто попросил ее вернуться домой. Вернуться к родителям; провести с ними время и попытаться примириться с ними. Но самое главное, он сказал ей отдыхать и восстанавливаться, и ставить себя и свое здоровье на первое место.

Сначала она была несогласна, но, в конце концов, это было символическое сопротивление, и ее не нужно было долго уговаривать уйти. Тот факт, что она на самом деле не спорила с ним, говорил ему, что это было правильно. В конце концов она посмотрела на него долгим взглядом, в ее глазах одновременно вопросительно и встревоженно, прежде чем она, наконец, кивнула в знак согласия на его предложение. В течение часа она ушла, и он, как он скучал по ней.

Он скучал по ней.

С тех пор как она ушла, он чувствовал себя совершенно потерянным. Он пытался отвлечься, помогая отремонтировать замок, а также отыскивая несколько зацепок, которые были у них на Сивом, но его сердце не было полностью отдано ни тому, ни другому делу. Он просто не мог выкинуть Гермиону из головы, и отсутствие ее рядом с ним было равносильно тому, что ему отрезали одну из конечностей. Проведя с ней почти целый год рядом с ним, он не чувствовал себя целым теперь, когда она ушла. Это было как-то хуже, чем когда она уехала в Австралию, чтобы забрать своих родителей; по крайней мере, тогда у него был Рон, чтобы отвлечь его, но в последнее время он также редко видел другого своего друга.

Он нанес краткий визит в Нору через три дня после того, как Гермиона ушла домой. На первый взгляд знакомый ветхий коттедж с кривыми этажами и пятью дымоходами казался обычным; старые сапоги и котлы у кухонной двери. Но когда он посмотрел глубже, то заметил, что ему не хватало обычного тепла, как будто само старое здание каким-то образом оплакивало потерю одного из своих. Он знал, что во многих отношениях строения в волшебном мире обладали собственной магией, но впервые ощутил боль и утрату от простых кирпичей и известкового раствора. Так что со странным предчувствием он вошел в то, что обычно было для него гостеприимным домом.

Молли вела себя как обычно, осуждая его вес и сунув ему тарелку с бутербродами после того, как крепко обняла его. Но он видел сквозь фанеру; видел боль и горе в ее глазах, и он знал, что

она тяжело боролась с потерей одного из ее выводка. Он тоже чувствовал потерю Фреда каждый день. Мир стал просто беднее из-за его отсутствия.

Итак, он сидел за столом и молча ел то, что было поставлено перед ним, недоумевая, почему никто больше не пришел его увидеть. В конце концов, он закончил есть и вопросительно посмотрел на Молли. Казалось, она поняла.

— Он в своей комнате, Гарри. Он был там с тех пор, как вернулся из Хогвартса. Он не в себе.

Он просто кивнул в знак признательности, прежде чем подняться по лестнице, чтобы увидеть своего первого друга.

Разговор пошел не так, как он ожидал. Рон выглядел неважно, от него пахло застоявшимся алкоголем. Он не хотел говорить, ограничиваясь односложными ответами на любые вопросы. Наконец, он потерял терпение со своим рыжеволосым другом.

— В чем дело, Рон? Почему ты не хочешь поговорить со мной как следует?

Рон посмотрел на него суровым взглядом. — Ты знаешь почему, Гарри. Не играй в дурака. Мы с Гермионой расстались.

— Я знаю, и я сожалею об этом.

— Ты сожалеешь, Гарри? Ты серьезно? Разве ты не этого хотел? Рон сорвался.

' Зачем мне это? Почему я должен хотеть, чтобы мои два лучших друга были несчастны?

Рон покачал головой. — Если ты действительно не знаешь ответа на этот вопрос, то ты действительно идиот. Затем он глубоко вздохнул, и на его лице появилось сожаление. — Прости, Гарри. Я просто не очень хорошо с этим справляюсь. Просто мне показалось, ты сказал, что она тебе как сестра? Я думал, она чувствовала то же самое по отношению к тебе? Что она относилась к тебе как к брату?

Он уловил некоторую горечь в голосе Рона; задавался вопросом, как справиться с этой враждебной версией своего друга.

« Я тоже так думал», — наконец ответил он.

« Значит, мы все были неправы», — сказал Рон, в тоне которого было больше, чем намёк на обвинение.

Оторвавшись от своих мыслей, он взглянул вверх, заметил знакомый большой плоский камень, выступавший над краем озера, и направился к нему, подобрав по пути горсть камешков. Добравшись до скалы, он остановился и посмотрел на воду, которая разбрызгивала легкие брызги тут и там, рябь, вызванная легким ветерком. Он снова обнаружил, что его мысли возвращаются к его разговору в Норе; на его шок от тона Рона; на разочарование и горечь. Это были последние слова Рона, которые наконец заставили его отреагировать.

— Ну что, вы повеселились вдвоем? Закрылись друг с другом в том замке последние несколько дней?

Он откинулся назад, вытянув руку, пытаясь помешать своему разуму повторять сцену; от воспроизведения слов. Внезапно он повернулся вперед, швырнув один из камешков далеко в озеро, наблюдая, как он выгибается, прежде чем упасть и исчезнуть под темной поверхностью. Это было бесполезно. Он не мог избавиться от гнева, который все еще испытывал к Рону. Миллион мыслей и слов заполнили его разум, пока он пытался сформулировать ответ, достойный его гнева. Но вместо этого он каким-то образом удержался от крика и ответил холодным, размеренным тоном.

'Так получилось, Рон, я не видел ее с того дня, как ты с ней расстался. Она ушла домой, в родительский дом. Я надеюсь, что она скоро вернется, потому что нам нужно начать поиски Сивого, и я не смогу сделать это без нее. Но я не знаю, как долго ее не будет; Я сказал ей не торопиться, прежде чем мы начнем поиски. Я надеялся, что ты тоже поможешь нам; Я знаю, что тебе это не нужно, но я думал, что без тебя все будет по-другому. Теперь я не уверен, что это хорошая идея. Мне жаль, что у вас двоих ничего не вышло, Рон, но я скажу следующее; если вы решите оставить нас наедине, тогда хорошо; это ваш выбор. Лично я предпочел бы, чтобы мой друг был со мной. Но чтобы вы знали, только чтобы одно было совершенно ясно между нами;

Сказав это, он просто развернулся на каблуках и вышел за дверь, не сказав больше ни слова. Он боялся последствий, если бы остался в этой комнате еще на мгновение. Это было последнее, что они сказали друг другу. Он хотел вернуть своего друга, но не любой ценой, потому что кое-что понял с тех пор, как покинул Нору и провел так много времени в собственной компании, размышляя об их споре. Он осознал, что таил в себе чувство предательства по отношению к Рону, несмотря на все, через что они прошли вместе. Что недавние события; битва, смерть и окончательная победа; Бедственное положение Гермионы и его собственное последующее состояние скрыли что-то глубоко внутри него. События скрыли его, но не убрали.

Он не простил Рона.

Дело было не только в том, что он ушел посреди охоты на хоркруксов. За время их дружбы Рон неоднократно демонстрировал, что может быть эгоистичным и ненадежным. Его отказ поверить ему в том, что его имя было помещено в Кубок Огня, был показательным примером. Нет; это было больше, чем мелкая зависть и неуверенность, которые Рон иногда демонстрировал в прошлом. Даже допущение пагубного воздействия медальона не оправдывало его поведения. Когда он вышел из палатки, Рон перешел черту.

Он пытался забрать у меня Гермиону.

Это была правда, которая ударила его, как пощечина. Он не простил Рона только потому, что пытался заставить уйти и Гермиону; заставить ее бросить его на охоту в одиночку. Он не был уверен, что когда-нибудь сможет простить это. Он знал, что если бы Гермиона ушла с Роном в тот момент, то Волдеморт победил бы. Это действительно было так просто. Он нуждался в ней, как в воздухе, чтобы дышать, и Рон пытался отнять у него это. Только дружба и верность Гермионы предотвратили это.

Он снова закрыл глаза, думая о тех темных днях в палатке. Он издал долгий вздох. У него было так много сожалений о только что прошедшей роковой зиме. Теперь он знал, что вел себя ужасно по отношению к Гермионе; не обращая внимания на ее слезы и даже не пытаясь утешить ее после ухода Рона. И все же она была для него опорой силы и сострадания, когда они посетили могилу его родителей в Годриковой Впадине. Когда он оглядывался на те дни и ночи, он все еще не понимал, почему он не пытался больше помочь ей, и чувствовал глубокий стыд за свое поведение. Просто не было оправдания, и он молча поклялся исправить это перед ней.

Последние две недели она доминировала в его мыслях. Несмотря на все другие отвлекающие факторы, он думал о Гермионе, работая над ремонтом замка. Она была у него на уме, когда он пытался отвлечься, гоняясь по квиддичному полю на своей метле. Во время еды он ковырялся в еде, размышляя о своем недавнем поведении по отношению к ней. И он лежал без сна в постели по ночам, думая о ней, не в силах погрузиться в глубокий сон, в котором он так сильно нуждался. Все эти размышления, все эти мысли привели его к одному простому выводу.

Она нужна мне.

Он всегда знал это на каком-то уровне, но теперь он осознавал эту истину точно так же, как осознавал, что он жив. Это была такая же часть его, как и его кожа. На самом деле он не хотел исследовать разветвления этой истины; что его счастье и довольство так зависели от одного другого человека. Он даже не был уверен, как определить их отношения. Все, что он знал, это то, что его счастье неразрывно связано с ее. Если она была счастлива, то и он тоже. Ее боль была его; бальзам ее радости для его души. В этом он был уверен больше, чем во всем остальном в своей жизни.

Он снова отдернул руку, на его лице появилась легкая улыбка, когда он обдумал еще одну простую истину, прежде чем бросить еще один камешек в озеро.

Что я рад, что Гермиона и Рон расстались.

Он чувствовал себя предателем даже за то, что думал об этом, но нельзя было отрицать, что сейчас он был намного счастливее и что чувства мира и удовлетворения, которыми он сейчас наслаждался, могли быть в значительной степени связаны с крахом романтических отношений Гермионы и Рона. Часть его знала, что эти чувства были неправильными, что он предал Рона. Но сейчас большей части его было наплевать. Он уже стольким пожертвовал за свою короткую

жизнь; он достиг своего предела. Проще говоря, он не собирался возлагать свои отношения с Гермиейной на алтарь высшего блага. Он высказал свое мнение Рону; то, что произошло дальше, во многом зависело от его первого друга.

Он снова откинулся назад, готовясь бросить в озеро третий камешек, как вдруг у него перехватило дыхание. Он закрыл глаза, на его лице появилась широкая ухмылка, когда он ощутил такой знакомый запах. Хотя его ликантропия была проклятием, были такие времена, когда это могло доставить ему удовольствие. Некоторые запахи он узнает где угодно.

Он повернулся к источнику, и его восторг был очевиден на его лице, когда его взгляд упал на Гермиюну, которая стояла в двух шагах от него, и ее улыбка соответствовала его собственной. Несколько мгновений они стояли, глядя друг на друга, как будто обмениваясь личной шуткой, прежде чем они быстро двинулись, чтобы сократить расстояние, наконец, встретившись в теплых объятиях.

Кингсли Шеклболт резко поднял голову, услышав внезапный стук в дверь своего кабинета. Он взглянул на часы на дальней стене и понял, что сейчас почти половина третьего дня.

Куда пропал день? — спросил он себя, кладя папку, из которой читал, на стол. В тысячный раз с тех пор, как его назначили министром, он задался вопросом, почему кто-то в здравом уме будет активно искать эту работу. Он тосковал по более легким дням, когда все, о чем ему нужно было беспокоиться, это поймать темных волшебников и избежать увечий или смерти. Он печально усмехнулся при этой мысли.

"Войти!" — крикнул он и откинулся на спинку стула, ожидая своей последней встречи. Его улыбка стала шире, когда Артур Уизли открыл дверь. Ему нравился Артур; любил и уважал его, и он ценил его советы. Именно по этой причине он попросил его присутствия сегодня днем. Он назначил Артура министром без портфеля в своем новом правительстве; должность, которая звучала неважно, но на самом деле позволяла ему участвовать во всех аспектах деятельности Министерства, а не привязывала его к определенной роли. Это была новая должность, которую он скопировал из маггловского мира, увидев, как премьер-министр с большим успехом использовал доверенного советника в аналогичной роли, когда тот охранял его во время войны.

Его ухмылка стала более неподвижной, когда Амос Диггори вошел в дверь позади Артура.

— Добрый день, Амос, — сердечно сказал он, когда вошел глава отдела регулирования и контроля магических существ.

— Министр, — формально ответил Амос Диггори, коротко кивнув. «Спасибо, что согласились встретиться со мной сегодня», — добавил он.

— Нет проблем, Амос. Я всегда найду время для глав отделов. Вы сказали, что хотели обсудить

что-то срочное? Присаживайтесь, — сказал он, указывая на пару удобных на вид кресел с другой стороны своего стола. — Ты тоже, Артур, — добавил он.

Он терпеливо ждал, пока два его гостя устроятся поудобнее, прежде чем продолжить. — Что я могу сделать для тебя, Амос? он спросил. У него были подозрения насчет того, что хотел обсудить Диггори, и его вступительное слово не удивило.

— Нам нужно что-то сделать с этими проклятыми оборотнями, министр, — начал Амос. — Прошло более двух месяцев с тех пор, как Сами-Знаете-Кто был побежден, а нам до сих пор не удалось поймать ни одного из оборотней, сражавшихся за него в тот день, — с горечью добавил он.

Кингсли помедлил с ответом. — Мы уже захватили нескольких сторонников Волдеморта, Амос, и продолжим их выслеживать. Тот факт, что мы еще не поймали ни одного оборотня, не имеет значения. Я заинтересован только в том, чтобы поймать преступников, которые боролись с нами. Их состояние не имеет значения ни для меня, ни для моего министерства; Меня беспокоят только их действия.

— Значит, вас не беспокоят атаки Сивого? Вас не беспокоит, что невинные люди находятся в опасности?

Кингсли вспыхнул от гнева. — Ты забываешься, Амос! Конечно, я беспокоюсь о Грейбеке! Я хорошо осведомлен об угрозе, которую он представляет, и мне не нужно, чтобы вы напоминали мне о моих обязанностях! Он с усилием успокоился, прежде чем продолжить. «Отдел магического правопорядка работает круглосуточно, чтобы выследить всех сбежавших сторонников Волдеморта, включая Сивого. Мы поймаем его рано или поздно.

«Со всем уважением, министр, нам нужно делать больше, — ответил Амос. «Регулирование оборотней и контроль — это мой отдел, и я считаю, что мы должны собрать их всех в срочном порядке. Насколько я понимаю, все оборотни представляют угрозу, и если бы это зависело от меня, я бы их всех запер.

— Тогда хорошо, что это не зависит от тебя, — холодно ответил Кингсли. «Не все оборотни поддерживали Волдеморта».

— Нет, но они темные существа, министр. Нам нужно их контролировать. Я настаиваю на том, чтобы мы приняли более решительные меры!

Кингсли чуть не подпрыгнул от гнева со стула, и именно в этот момент Артур Уизли заработал себе метафорическую медаль.

— Амос, ты действительно считаешь хорошей идеей прямо сейчас сосредоточить всю нашу энергию на горстке оборотней? Со всем, что нуждается в восстановлении в нашем обществе; с Визенгамотом, который нуждается в восстановлении; с Хогвартсом, нуждающимся в

восстановлении; с проведением испытаний; Пожиратели смерти, на которых нужно охотиться; не говоря уже о новом бюджете. Ты действительно думаешь, что нам следует уделить первоочередное внимание поимке нескольких оборотней, большинство из которых, вероятно, сейчас просто хотят затаиться? Артур говорил разумным тоном, но его точка зрения была хорошо сформулирована.

Амос Диггори глубоко вздохнул. — Артур, я знаю, что нам нужно решить много вопросов. Но я также знаю, что Грейбэк и другие представляют реальную угрозу. Он уже убил невинную семью после битвы в Хогвартсе. На следующей неделе будет полнолуние. Кто будет следующим? Мы должны видеть, что мы предпринимаем решительные действия. Публика не будет требовать меньшего».

Кингсли задумчиво посмотрел на него. — Общественность, Амос? Или твои друзья из Визенгамота? — лукаво спросил он.

Амос покраснел от этих слов, но не ответил, поэтому Кингсли воспользовался возможностью, чтобы закончить дискуссию. — Я подумаю над тем, что ты сказал, Амос, и сообщу тебе, как я хочу, чтобы мы действовали. Однако на данный момент я настаиваю на том, чтобы мы продолжали использовать наш нынешний подход. Я хочу, чтобы всех сторонников Волдеморта арестовали, независимо от того, оборотни они или нет. Если мы сосредоточимся на этом, то рано или поздно получим Greyback. Спасибо, что пришли сегодня, — добавил он с пренебрежительным тоном.

Амос узнал тон и резко встал. «Спасибо, что уделили мне время, министр», и гнев в его голосе был очевиден. Он повернулся и вышел из кабинета, оставив за собой дверь открытой. Артур встал и тихо закрыл дверь.

'Я должен беспокоиться?' — спросил Кингсли своего друга.

Артур помедлил с ответом. 'Еще нет. Амос не угроза; его просто используют как преследующую лошадь. Нам нужно выяснить, кто дергает его за ниточки. Риторика против оборотней - это всего лишь палка, которой они пытаются избить тебя, Кингсли. Нельзя отрицать, что Greyback по-прежнему представляет собой угрозу, но не угрозу, из-за которой люди собираются показать свою руку. По крайней мере, не сейчас.

Кингсли кивнул, соглашаясь. — Ты знаешь, что я думаю о том, как наше общество относится к нелюдям, Артур. Мы давно назрели реформы в этой области. Если бы мы относились к ним лучше, то Волан-де-Морт не нашел бы в их рядах столько добровольных сторонников. Но нам нужно следить за этим. Кто-то помешивает горшок, и я хотел бы знать, кто. Что вы думаете?'

— Я думаю, тебе следует незаметно переговорить с аврами и сказать им, чтобы они уделяли немного больше внимания поимке Сивого и любых других оборотней, поддерживающих Волдеморта. По крайней мере, это отвлечет Амоса от нашего дела на данный момент. Если в будущем нам потребуется занять более сильную позицию, я рекомендую вам это сделать. Я не хочу нападать на оборотней, но мы не можем рисковать ради них тем, чего пытаемся достичь.

По крайней мере, не сейчас.

Кингсли кивнул, соглашаясь. Именно по этой причине он хотел, чтобы Артур присутствовал в первую очередь; он дал хороший, основательный совет. Он не хотел менять свой нынешний подход, но, возможно, ему придется это сделать, чтобы внести действительно важные изменения. Он должен был расставить приоритеты. Он устало вздохнул. Он быстро понял, что иногда единственный доступный ему вариант — это меньшее из двух зол.

Я ненавижу эту работу.

Гермиона снова оказалась в кабинете директрисы, ожидая, когда Минерва и Гарри присоединятся к ней. Первоначально ей сказали встретиться с ними обоими в 16:00, но по прибытии в офис портрет Финеаса Найджелуса сообщил ей, что и Гарри, и Минерва задержались из-за осложнений, возникших в результате восстановительных работ. Как только она решила пойти и найти их обоих, Финеас сообщил ей, что они скоро придут, так что она решила подождать, устроившись в одном из удобных кресел, которые стояли рядом со столом Минервы. Если быть честной с собой, она была благодарна за время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем снова увидеть Гарри после их первой встречи сегодня. Она закрыла глаза и улыбнулась, вспомнив оказанный ей прием.

По возвращении в Хогвартс директриса приветствовала ее, как давно потерянную дочь, дошла до того, что обняла ее, прежде чем сделать комплимент по поводу ее улучшенной и здоровой внешности. Как бы она ни любила и уважала Минерву, она была ошеломлена внешним проявлением привязанности, полученным от учителя, известного своей молчаливостью и самообладанием. Несмотря на это, она наслаждалась объятиями и была рада, что Минерва заметила улучшение ее здоровья. Она, конечно, почувствовала себя лучше после двух недель полноценного отдыха и правильного питания.

Когда Гарри впервые попросил ее вернуться домой, она сначала сопротивлялась; просто было слишком много дел и не хватало времени, чтобы сделать это. Она выразила свое несогласие, но это оказалось символическим сопротивлением; один взгляд в глаза Гарри положил конец любому спору. Он излучал заботу и любовь, и она знала, что он прав; что она была на пределе своих сил и нуждалась в отдыхе.

Ей также нужно было увидеть своих родителей. Именно этот последний фактор делал возвращение домой неизбежным, поэтому она очень быстро собрала чемодан, попрощалась и отправилась домой.

Это оказалось одним из лучших решений, которые она приняла за последнее время, и она была благодарна Гарри за его предложение. Ей удалось отдохнуть, правильно поесть и, прежде всего, восстановить связь с родителями, особенно с матерью. Тот факт, что причиной этого примирения оказался ее лучший друг, лишь дал ей еще один повод поблагодарить Гарри.

Это было на третий день, когда ее мама наконец вошла в ее комнату, чтобы поболтать. Оба ее

родителя до этого момента держались на расстоянии, и в результате она осталась наедине со своими мыслями. Сначала она поймала себя на том, что постоянно думает о своем разрыве с Роном, но со временем она поймала себя на том, что все больше и больше думает о Гарри и их дружбе. На третий день она не могла выбросить его из головы, и это начало сказываться на ее настроении.

Она ужасно скучала по Гарри.

Именно в этот момент ее мама решила нарушить молчание, постучала в дверь спальни и спросила, все ли с ней в порядке. Это оказалось поворотным моментом.

Она все рассказала своей маме – хорошо; почти все. Она ничего не сказала о своей ликантропии. Вместо этого она говорила о войне; месяцев отчаяния в палатке; о том, что Рон бросил их, и о финальной битве. Она говорила о «смерти» Гарри и его последующей победе. О ее недолгом романе с Роном и их недавнем разрыве. К тому времени, когда она закончила, она была эмоционально истощена, но все же нашла процесс катарсисом таким образом, в который она не верила. Ее мама почти не говорила ни слова, вместо этого довольствуясь тем, что просто слушала и крепко обнимала дочь. В конце концов, это оказалось терапевтическим для них обоих. Когда ее мама наконец заговорила, она обычно переходила к сути дела.

' Ты так много пережила, Гермиона; Я просто рад, что ты благополучно добрался до дома. И это твой дом; Мне очень жаль, если ваш отец и я когда-либо давали вам повод усомниться в этом. Она бросила на нее пронизательный взгляд. — Я бы не слишком беспокоился о Роне. Если он действительно заботится о вас, то он захочет, чтобы вы были счастливы. Я подозреваю, что тебе нужен кто-то еще, чтобы сделать тебя счастливым, не так ли?

Она улыбалась, когда говорила это, и Гермиона точно знала, кого ее мама имела в виду, когда спрашивала об этом. Вместо того, чтобы отрицать это, она просто застенчиво улыбнулась маме, прежде чем позволить заключить себя в объятия. Больше ни слова не было обменено, но в тот момент она чувствовала себя более связанной со своей мамой, чем за многие годы. Она чувствовала, как ее разбитое сердце снова срастается.

Остаток ее пребывания был более приятным после этого разговора. Ее мама, должно быть, тоже говорила с отцом, так как его отношение к ней значительно потеплело. Следующие полторы недели она могла провести либо в тихой беседе с родителями, либо в отдыхе в своей комнате, либо в чтении просто для удовольствия. К ней также вернулся аппетит, и она медленно восстанавливала силы. Она заметила тонкие изменения; набрать вес; ее волосы частично обрели яркость; возвращение блеска в ее глазах. Единственным недостатком было отсутствие ее лучшей подруги, но она знала, что это нужно терпеть — ее здоровье должно быть на первом месте, и она прекрасно понимала, что Гарри расстроится, если она позволит чему-то поставить его под угрозу.

Она внезапно вздохнула, вспомнив тот момент, когда нашла его по возвращении в Хогвартс сегодня утром. Поприветствовав ее в замке, Минерва с улыбкой сообщила ей, что «он внизу, у озера», и ей не нужно было повторять дважды. Она немедленно вышла на улицу, на солнечный свет, и заметила его издали, когда он стоял на знакомой скале и лениво бросал камешки в

озеро. Даже издалека она чувствовала его беспокойство и гадала, было ли это из-за ее состояния, или его настроение было чем-то, на что она всегда была настроена.

Однако у него не было времени обдумывать этот конкретный вопрос, так как Гарри явно чувствовал ее, и когда он повернулся к ней лицом, она резко вдохнула, и ее сердцебиение ускорилося от улыбки, которую он одарил ее, совершенно не подозревая, что выражение ее лица совпадает с выражением его лица. После того, что казалось бесконечным моментом, они, наконец, двинулись навстречу друг другу, и ее душа радовалась воссоединению.

Даже сейчас, сидя в кабинете Минервы, она чувствовала, как краснеют ее щеки при мысли об их объятиях, и она чувствовала, что улыбается при воспоминании. Она чувствовала себя полной, когда была с Гарри, и ей пришло в голову, что ей будет трудно двигаться по жизни без него рядом с ней. Она горячо надеялась, что такого случая не произойдет. Она лениво задавалась вопросом, что эта недавняя перемена в них означает для их будущих отношений, но обнаружила, что ее не слишком беспокоит неопределенность. В чем она была уверена, так это в том, что они вместе откроют путь вперед, как всегда.

Ее задумчивость внезапно прервалась, когда она услышала движение на лестнице снаружи, возвестившее о прибытии Гарри и директрисы. Через несколько мгновений Гарри вошел в комнату, и его лицо просияло, когда он увидел ее. Взглянув через его плечо, она заметила небольшую улыбку на лице Минервы, но она исчезла, как только она ее увидела.

Директриса заняла свое место за столом и жестом пригласила Гарри сесть рядом с Гермионой. Только когда он наконец устроился поудобнее, атмосфера в комнате стала серьезной.

— Спасибо вам обоим, что пришли, — начала Минерва. — Я рад видеть, что вы оба лучше выглядите, особенно вы, мисс Грейнджер. Теперь, когда у нас была возможность отдышаться, я боюсь, что пришло время вернуться к работе. Серьезная работа. Она сделала паузу на мгновение, прежде чем продолжить. «На нашей последней встрече я сказал, что нашим приоритетом было найти Сивого — или, по крайней мере, выяснить, как он может изменяться по своему желанию. Вы, мистер Поттер, предположили, что он может использовать зелье; один потенциально создан профессором Снейпом. Должен признаться, что я склонен согласиться. Я уже перерыл все вещи Северуса, а также его комнаты здесь, в Хогвартсе, но не нашел ничего примечательного.

'Так что же нам делать?' — спросил Гарри.

— Я как раз к этому и подхожу, мистер Поттер, — ответила Минерва с некоторой прежней резкостью. — Думаю, нам нужно будет посетить старый дом Северуса. Если он оставил какие-то намеки на то, что он мог заваривать, мы найдем их там.

— Вы упомянули, что он вырос в том же городе, что и моя мать, — бесстрастно сказал Гарри, и Гермиона была поражена этим замечанием, забыв, что Гарри упоминал об этом, когда пересказывал память Снейпа. Но прежде чем она успела что-то сказать, Минерва снова заговорила.

— Я сделал мистера Поттера. Затем она повернулась в кресле, открыла большой ящик в шкафу, расположенном рядом с ее столом, и достала оттуда то, что, должно быть, было самой старой книгой, которую Гермиона когда-либо видела. Она благоговейно положила его на стол перед ними, сдувая при этом немного пыли с обложки.

«Эта книга содержит имена и адреса всех учеников, которых когда-либо приглашали в эту школу. Это журнал всех писем, когда-либо отправленных с предложением места в Хогвартсе. Она осторожно открыла книгу и начала листать страницы. Через несколько мгновений она остановилась.

'Вот мы . мистер Снейп ; Маленькая спальня, номер 3, Спиннерс-Энд, Кокворт . Она взглянула вверх. «Вероятно, он давно пустует, но я подозреваю, что Северус так и не покинул это место полностью. Хорошо это или плохо, но это был дом его детства.

Гермиона на мгновение задумалась, прежде чем понимающе кивнуть. — Мы с Гарри посетим его завтра, если ты не против? Ты не против, Гарри? — спросила она, поворачиваясь к подруге. Она улыбнулась, когда он кивнул, соглашаясь с планом, прежде чем снова повернуться к Минерве. 'Могу я?' — осторожно спросила она, потянувшись за древним фолиантом.

Минерва лишь снисходительно улыбнулась благоговейному страху на лице Гермионы. За свою долгую жизнь она встречала многих библиофилов, но Гермиона Грейнджер была в своей собственной лиге. Вместо ответа она просто подтолкнула книгу к своей любимой ученице.

Со своей стороны, Гермиона взяла книгу с чувством благоговения, не обращая внимания на снисходительные улыбки на лицах обеих своих спутниц. Она медленно начала листать древние страницы, поражаясь волшебству, когда поняла, что имена каким-то образом перечислены в алфавитном порядке, несмотря на то, что каждый год добавляются новые записи. Она улыбнулась, когда наконец добралась до своей собственной записи, ее пальцы водили по словам.

Мисс Х. Грейнджер, Угловая спальня на втором этаже, номер 26, Кертис-авеню, Кроули.

Она ясно помнила день, когда получила это письмо, воспоминание тем более острое, что именно женщина, сидевшая напротив нее, доставила его лично. Она снова начала листать страницы, пока не нашла следующую запись, которую искала, но когда нашла знакомое имя, ее лицо скривилось в замешательстве.

'Гарри? Что тут происходит? Вы получили тонны писем. Смотреть! Их десятки, и не все они адресованы одинаково! Она не обращала внимания на то, что лицо Гарри побледнело, а его глаза расширились от шока и страха, когда она начала читать некоторые адреса, проводя пальцем по каждой строчке в книге, пока искала другую запись рядом с Имя Гарри. Даже со своими обострившимися чувствами она не заметила его страданий, таков был ее интерес к книге.

« Мистер Г. Поттер, Этаж, Хижина-на-Скале, Море... Мистер Г. Поттер, Комната 17, Отель

«Рейлвью», Кокворт ... что здесь происходит, Гарри? Смотреть; есть еще один! Мистер Г. Поттер, Самая маленькая спальня, Тисовая улица, 4, Литтл-Вининг...

Она в изумлении перевернула страницу и прочитала следующую запись, прежде чем ее сердце остановилось. Она перечитала его еще раз, чтобы убедиться, ее голова отрицательно качалась, пока она переваривала слова и их значение. Наконец она прочитала его, как бы убеждаясь в реальности слов.

— Мистер Г. Поттер, Шкаф под лестницей, Тисовая улица, 4, Литтл-Вининг, Суррей, — прошептала она сдавленным голосом.

Она медленно оторвалась от книги, в ее глазах выступили слезы, и наконец она заметила выражение ужаса на лице своей самой близкой подруги. Она смотрела на него умоляюще, желая найти рациональное объяснение тому, что она только что прочитала. Любое объяснение, вместо той ужасной правды, на которую указывала последняя запись.

Как я мог не знать об этом? Как я мог не знать об этом?

'Гарри?' — умоляюще спросила она, не обращая внимания ни на что, кроме страданий подруги. В ответ Гарри резко встал и побежал вниз по лестнице, опустив голову и отведя глаза.

'Гарри!' — воскликнула она, но ответа не последовало, только звук его шагов стих, когда он с грохотом спускался по винтовой лестнице.

О, Гарри.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539900>